

ПУШКАРЬ О ГЛАВНОМ МАРШАЛЕ АРТИЛЛЕРИИ Н.Н. ВОРОНОВЕ

ша в Нижегородской области, по соседству с именем заводчика Александра Карамзина, сына знаменитого историка. Молва утверждает, что многие Вороновы из этой деревни породнились с потомками Карамзинами. Есть и другая версия. По ней род Вороновых восходит ко времени Дмитрия Донского. Его сподвижник – боярин Волынский-Бобрик – имел двух сыновей. От старшего сына – Бориса началась ветвь Волынских, а от младшего по имени Давид – Вороных, Вороновых.

ВОРОНОВ, как и многие его современники, маршалы и генералы, не мало натерпелся от Берии, чье предвзятое отношение к Николаю Николаевичу переросло со временем в открытую травлю. А началось все со случая на одном из заседаний Государственного Комитета Обороны во время битвы за Москву. При обсуждении вопроса о вооружении частей НКВД Берия запросил для них еще винтовок. Сталин, удивленный услышанной цифрой, обратился за консультацией к присутствовавшему Воронову, который сказал, что заявка завышена.

Берия, продолжая настаивать на своем, перешел в диалог с вождем на грязинский язык. Сталин пытался прервать просителя, но тот продолжал упорствовать. И тогда вождь, явно раздраженный до предела, приказал Воронову и начальнику Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлеву, будущему маршалу артиллерии, зачеркнуть просимые для НКВД 50 тысяч винтовок и выдать в пять раз меньше. После заседания Берия догнал в коридоре Воронова и Яковleva и бросил на ходу: "Погодите, мы вам кишки выпустим!"

Берия как член Государственного Комитета Обороны "вел" производство вооружения и минометов, и делал это, справедливости ради следует сказать, отменно – все его подопечные заводы, укомплектованные сверх штатов, обеспечивались по высшим нормам, их руководителей почти не затронула волна репрессий, в то время, как молодчики Берии могли арестовать ни в чем не повинных людей даже в траншеях, как это случилось с начальником войск связи Красной Армии Н. Гапичем, которого по ложному обвинению взяли прямо на наблюдательном пункте. Но Берия как куратор артиллерийской промышленности, удостоенный за это в 1943 году звания Героя Социалистического Труда, был всегда вне себя, когда Воронов напрямую обращался к Сталину или поступал как в случае с заявкой на винтовки для НКВД.

Внешне Берия никогда не показывал своего подлинного отношения к Воронову, наоборот, если посмотреть со стороны – сама учтивость. "Не беспокойся, бери мою машину, она вмиг доставит тебя на вокзал", – мог сказать Берия, заметив, что Воронов то и дело посматривает на часы, боясь опоздать на ленинградский поезд. Действительно, машина НКВД, с бешеною скоростью промчавшись по московским улицам, пренебрегая правилами дорожного движения, нигде не останавливалась на красный свет светофора, влетела на платформу Ленинградского вокзала прямо к нужному вагону, вызвав немалый переполох.

В 1954 году в Доме офицеров Ленинградского военного округа проходило считавшееся открытым, хотя стенограмму снабдили грифом "совершенно секретно", судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. На том процессе, где на скамье подсудимых оказался вместе с другими бывший министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов, Воронов узнал немало фактов, его касавшихся. Оказалось, что в штабе Воронова долгое время служил неприметный человек, который по заданию Берии не только фиксировал все действия Николая Николаевича, но даже их хронометрировал. Использовались в отношении Воронова и подслушивающие устройства.

Что только не предпринимал Берия, чтобы нанести удар по Главному маршалу артиллерии, предварительно скомпрометировав его! В 1948 году был арестован знамени-

тый хирург С.С. Юдин, которого связывали с Вороновым дружеские отношения на почве совместной охоты. Из дважды лауреата Сталинской премии выбили показания, что Воронов – давний агент английской разведки, поставивший в Лондон немало секретной информации о Вооруженных Силах СССР. В строку обвинений Воронову в то время ложилось его приятельство с Главным маршалом авиации А.А. Новиковым, арестованным еще в 1946 году (они когда-то были вместе в одной учебной группе в Военной академии имени М.В. Фрунзе, дружили домами). Но Сталин всем этим наветам, состряпанным Берии, не поверил настолько, что даже не дочитал до конца "обличительные" документы.

Однако не таков был Берия, чтобы успокоиться – он и в дальнейшем не оставил Главного маршала артиллерии в покое. Была сделана попытка опорочить Воронова как участника гражданской войны в Испании. Искали, но не находили его связи с иностранными разведками, а потому отпало обвинение в шпионаже в пользу какой-либо западной державы. Казалось, что обвинителям может помочь "ленинградское дело". Ведь Николай Николаевич был в осажденном городе представителем Ставки, а потому не мог не быть связанным с людьми, названными заговорщиками, особенно с А.А. Кузнецовым, будущим секретарем ЦК ВКП(б).

Но как ни старались следователи, выполняя заказ Берии, они и в этом случае не установили фактов, порочащих Воронова и свидетельствующих о его принадлежности к "ленинградскому делу". Сталин продолжал не верить всему тому, что доносили ему о командующем артиллерией Красной Армии, но, не выдержав напора Берии, все-таки отстранил Николая Николаевича от занимаемой должности, хотя Берия настаивал на ином.

В декабре 1950 года Воронова избрали президентом Академии артиллерийских наук, созданной по инициативе Сталина, не скрывавшего симпатий к роду войск, который он называл богом войны.

АСПУСТЯ ТРИ ГОДА Академию распустили, посчитав ее ненужной, Г.К. Жуков, ставший после прихода к власти Хрущева первым заместителем министра обороны (видимо, маршал сам вспомнил или ему напомнили доброхоты, что к рождению Академии был причастен Сталин). Вот уж от кого Николай Николаевич не ожидал подобного решения!

С Жуковым Воронов познакомился в 1939 году на Халхин-Голе, они стали друзьями, часто встречались, как это принято теперь говорить, в неформальной обстановке. Владимир Воронов рассказывал мне, что когда Жуков командовал войсками Киевского военного округа, он, приезжая по делам в Москву, мог остановиться и переночевать в их квартире. Жукова и Воронова связывали общие взгляды на военную доктрину, тактику, стратегию, что помогало в войну успешно выполнять обязанности представителей Ставки на фронтах и задания Верховного Главнокомандующего. Воронов всегда отмечал у Жукова решительность в критические моменты, аналитический ум, четкую гражданскую позицию. Жуков, в свою очередь, был высокого мнения о Воронове.

До конца жизни Николай Николаевич, по свидетельству сына, так и не понял, почему Жукову пришла не по душе Академия артиллерийских наук, чьи работники, включая великого Королева, так много сделали для развития советской ракетной техники и стало быть для укрепления оборонной мощи Отечества.

ГЛАВНЫЙ маршал артиллерии среди военачальников, особенно, когда они поднимались на трибуну Мавзолея, например, в связи с Парадом Победы, выделялся немалым ростом. Он всегда казался очень здоровым. Действительно, это был довольно сильный и работоспособный человек. Но мало кто знал, что его здоровье подорвано тяжелой контузией и болезнями, перенесенными в войну с поляками в 1920 году. Около девяти месяцев он проводил в госпиталях Варшавы и Тухоля – адские пролежни, голод, тиф, воспаление легких. В Советскую Россию возвратился в конце апреля 1921 года с первой партией обмененных пленных. Быстро бросил кости, пытаясь обрести прежнюю походку. От ран на ногах навсегда остались ужасные следы. Да и заикание всю жизнь тоже напоминало о жестоких испытаниях на польской земле.

Осенью 1939 года начальник артиллерии Красной Армии попал в автокатастрофу. От смерти спас металлический карандаш, подаренный в Испании Дорорес Ибаррури. Не обошлось тогда и без операции.

Диагноз последнего заболевания Воронова врачи, как перед этим в случае с Сергеем Павловичем Королевым, никак не могли установить. Те же самые медики, что оперировали в кремлевской больнице Королева, приняли решение о полостной операции, хотя до этого она признавалась нецелесообразной. По ходу ее у Воронова обнаружилась прежде не подозревавшаяся злокачественная опухоль. Случилась операция 23 февраля 1968 года, в самый любимый Николаем Николаевичем праздник. На пятые сутки, не приходя в сознание, Главный маршал артиллерии скончался.

А спустя четыре месяца Москва простила с Константином Константиновичем Рокоссовским, которого Воронов считал талантливейшим стратегом Советской Армии. Почему именно его? Все операции Рокоссовского, по мнению прославленного пушкаря XX века, были искусными – он, как никто, умел найти уязвимые места в обороне противника, ввести его в заблуждение относительно направления главного удара и достичь успеха с минимальными потерями.

Наверное, есть что-то символическое в том, что имена этих героев Великой Отечественной горят золотом рядом на траурных плитах в Кремлевской стене.

